

1985, 11 авг.

и искусство

ОТРАЖЕНИЕ
УГЛЕМ

НЕ БЕСПОКОЙНО ли жить, Николай Никанорович, среди ликов повстречавшихся когда-то людей и своих зеркальных отражений? Некоторые люди обоим ищут спокойенькие, зеленые, в цветочек, а вы стены углем изрисовали — куда ни глянь, в глаза сам себе смотришь...

— Беспокойно?.. Я так привык.

Работая, он снимает рубашку: в этот момент мешает все, что между ним и листом ватмана.

О бдениях художника рассказывают не только многочисленные папки, этюдники, углы квартиры, заваленные «отболевшими» работами. Волнуясь, он сам рассказывает об этом. Он говорит всегда взволнованно, как бы пытаясь обратиться собеседника в свою веру. Аккумулятор, заряжающий восторгом творчества. С ним не легко говорить, но интересно.

Лучшая в мире беседа — между двумя, считает Ищенко. Тут уж не обманешь — либо идет обмен, взаимная передача миропонимания, либо нет разговора. Картина — тоже беседа, и всегда с глазу на глаз, свободная от предвзятости...

Натурщики Николая Ищенко — в основном дети, старики, подростки. Особенно удаются ему дети — он их понимает, и они не боятся «дяденьки с мольбертом».

— Вот-вот! Я любого из них могу нарисовать: понимаю их, вижу...

Сначала понять — потом нарисовать. Он взялся за Достоевского не в двадцать два года, а в сорок два, когда **понял**. И не за «Преступление и наказание», понять которое до конца, все равно, что прожить жизнь, а за «Униженных и оскорбленных» — раннего Достоевского.

...Вот на листах «благостный мальчик» Алеша, нежная и любящая Наташа, девочка Нелли. Ищенко поворачивает их лицом к свету и к нам. Вот этого старика он нашел весной на набережной Везелки. Старик сидел под слабым апрельским солнцем, опершись на палку и опустив голову, покрытую широкополой шляпой. «Он — старик! Из «Униженных и оскорбленных!», — подумал Ищенко. «Да зачем это, — сопротивлялся сначала старик, — кому я нужен, еще рисовать...». Потом согласился позировать.

Еще Николай Никанорович любит рисовать деревья — пером, карандашом, углем. Их «фигуры» выразительны и прекрасны, в изгибах веток нет ни унижения, ни боли.

Один лист из цикла графических работ, сделанных в Красной Поляне, под Валуями: мощное дерево, рванувшись к солнцу, на пике своего рывка изгибается через дорогу, к земле. Под этой аркой идет мальчик-подросток — как бы по дороге в жизнь. Дорога в жизнь — тема необъятная и любимая Николаем Ищенко.

Вот картина «Пришел солдат домой» — репродукция ее была представлена недавно в «Белгородской правде». На холме лежит усталый солдат, а рядом с ним стоит радостный пацан-трехлетка, с «настоящим автоматом» за плечами.

— Понимаете, это мой отец в сорок пятом. А мальчишка — это я... Мне хотелось не просто дать картинку — вот

он, солдат-победитель, вернулся в родное село. Холмы и речка, облака приближены не зря — я хотел, чтобы передний план как бы «пробивался» ими. Солдат не просто лежит на траве, он в мире лежит, к нему, усталому, пришел мир...

Фигурки в серых мешковатых, «детдомовских» костюмчиках, большие от голода глаза и стрижка под ноль — дети военной поры. Они собирают колоски. Это тоже видел в детстве Ищенко.

Проблема связи между поколениями с различным жизненным опытом тревожит художника. Одна из лучших его картин на эту тему — «Ветеран и молодежь». Перед ней можно стоять и думать...

Может, и удивится читатель, как так — портрет художника, и без его биографии? Да ведь вот уж мы ее и рассказали. Она вся в картинах. Родился он в военный год в Борисовском районе, а сейчас работает преподавателем в Белгородском культпросветучилище.

...Недавно прочитала такие строчки:

Бывают крылья
у художников,
Портных
и железнодорожников.
Но лишь художники
открыли,
Как прорастают эти крылья...
Вот и весь разговор.

Н. КОЗЛОВА.

